

✓
Московская правда, 1968, 11 сент.

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭКРАНА

СЕГОДНЯ — 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ДОВЖЕНКО

Приготовьте самые чистые краски, художники! Мы будем писать отшумевшую юность нашу.

Пересмотрите всех артистов и приведите ко мне артистов красивых и серьезных. Я хочу ощутить в их глазах благородный ум и высокие чувства.

Осветите их, операторы, чистым светом, чтобы все прекрасное, что пронесли они по полям Украины, отразилось на их лицах полностью и передалось зрителям и волновало сердца потомков высоким волнением.

Пусть это будет свет вечерний, тихий, как перед праздником после долгих трудов.

Пусть они мечтают. Не надо им ни есть в это время, ни пить, ни курить, ни зашивать поношенные одежды свои. Не надо обыденных слов, бытовых телодвижений, правдоподобных подробностей. Уберите все пятаки медных правд. Оставьте

В ЖИЗНИ человеческой бывают встречи, которые не только запоминаются навсегда. Они в чем-то определяют дальнейший путь, дальнейшую работу. Для меня столь определяющими стали встречи с Ю. М. Юрьевым, С. М. Эйзенштейном, В. Э. Мейерхольдом. И с А. П. Довженко.

...Кончался 1937 год. В театре Вс. Мейерхольда готовился спектакль «Как закалялась сталь» (инсценировка Евг. Габриловича по роману Николая Островского). Ставил спектакль сам Всеволод Эмильевич, я играл Павку Корчагина.

Но театр был вскоре закрыт. Было жаль Всеволода Эмильевича, жаль работы, не доведенной до конца. Впереди была неизвестность, а это, пожалуй, самое мучительное для актера.

И вот в эти дни я получаю от А. П. Довженко сценарий «Щорс» и приглашение сыграть главную роль в этом фильме. С Александром Петровичем я знаком не был. Видел его фильмы «Земля», «Иван», «Аэроград». Картины эти поражали. Их отличал особый почерк, было в таком своеобразии для меня манящее и привлекающее. Это были картины Художника (в самом высоком значении этого емкого слова).

Я прочел сценарий. Он был великолепен, поэтичен, и в рево-

люционной этой поэзии жил дорогой мне Павка Корчагин.

Приехал в Киев. Звоню А. П. Довженко. Волнуюсь, конечно, страшно. Дверь открывает невысокая, стройная, очень красивая женщина. Это была Ю. И. Солнцева, жена Александра Петровича. Наконец передо мной сам Довженко.

Седой загорелый человек с мягким взглядом внимательных глаз, которые, казалось, изучали собеседника, радушно встретил меня. Уже при первых словах пропало волнение, стало легко и свободно. Просто слушаю и смотрю на этого человека.

В его лице, движениях, посадке головы, в больших выразительных руках было что-то упрямое, твердое и вместе с тем нежное. Удивительно красиво он говорил, так и хотелось слушать, не перебивая. Александр Петрович рассказывал, как видит он образ Щорса, что хочет от актера, просил подумать, не торопиться. Долго мы репетировали отобранный для пробы монолог. Он дал мне полную свободу, ничего не навязывал. Затем встретились с гримером П. Хазановым. Александр Петрович при этом присутствовал и лично подбирал грим.

Наступил решающий момент пробы на пленку. Как сейчас помню слова Довженко: «Дайте в павильоне тишину, дайте химиче-

скию тишину!». (До сих пор не могу постигнуть, что значит химическая тишина, но сказано это очень точно).

Стало действительно тихо, очень тихо. Я прочел несколько раз монолог перед пленными петлюровцами — страстный, гневный, полный романтики. Через несколько дней узнал об утверждении на роль. Сами понимаете, какая радость бушевала тогда во мне. Получить такую роль, работать с таким художником!

На целый год окунулся я с головой в работу. В жизни не было ничего, кроме Щорса. И Довженко.

Работал Александр Петрович не только увлеченно и вдохновенно. Он всегда абсолютно точно знал, чего хочет. Это сказывалось и в выборе натур, и в постановке и композиции кадра. Его интересовало все: костюм, грим, трактовка самого малозначительного персонажа. И нам, актерам, было легко с ним.

В сценарии Щорс произносит слова: «Кончится война, и мне бы хотелось весь земной шар засадить цветущим садом!».

В них есть что-то от самого Александра Петровича. Он нежно любил природу своей родной Украины с ее великолепными пейзажами, с ширью Днепра и как-то особенно красиво говорил об этой любви. Сидит, бывало, на вершине холма под вечерним закатным солнцем и смотрит в дали. Долго думает о своем...

Какую великолепную память оставил он на «Мосфильме» и Киевской студии, посадив громадные яблоневые сады! Весной они в белом цвету, осенью тяжелеют плодами для человека. Попадаю на эти студии и сразу вспоминаю Александра Петровича, вспоминаю неповторимый период своей творческой жизни.

ДОВЖЕНКО умер. А на экран выходят картины, автором которых является он. «Повесть пламенных лет», «Поэма о море» —

фильмы, поставленные Ю. И. Солнцевой, являются продолжением великой жизни Довженко в искусстве.

Буквально на днях я закончил дорогую для себя работу в новом фильме А. П. Довженко «Зачарованная Десна». Великолепный поэтический сценарий Довженко во многом построен на биографическом материале. Картина эта, по-моему, предельно современна. Вспоминая о своем детстве, художник обращается к самым светлым, самым чистым чувствам людей. Тем чувствам, которыми пронизаны в наши дни все замечательные дела советского человека.

В финале «Зачарованной Десны» звучат слова:

— Какими войдут эти люди в историю строительства коммунизма?

Прекрасными...

Задумчивое, терпеливое, бесконечно выносливое героическое племя коммунистов.

Пройдет немного времени...

И именно эти люди перекроют реки, пустят их вспять, создадут моря в сотни миллиардов кубометров животворящих вод, проведут каналы по жаждущим степям нашей Родины и преобразуют землю.

Народ избирает своих художников для того, чтобы показать миру, что жизнь прекрасна...

Эти слова можно с полным правом отнести к Александру Петровичу Довженко.

Евгений САМОЙЛОВ,
народный артист РСФСР.